

ЭЛИЗИУМ

Здесь правда
стоит дороже
жизни

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

А.ГОЛД

А. Голд

Элизиум

<https://litres.ru/74049514>

SelfPub; 2026

Аннотация

Элизиум — закрытый клуб для избранных. Место, где власть измеряется не деньгами, а информацией. Место, где правда стоит дороже жизни.

Равенна Морган — глава службы безопасности «Элизиума». Она знает все тайны этого клуба. Кроме одной: её собственная семья — часть смертельной игры, которая длится двадцать лет.

Когда убивают её друга, Равенна начинает расследование. Единственный, кто может помочь — Доминик Кейн, член клуба, сын человека, предавшего её отца. Он опасен. Он властен. Он смотрит на неё так, будто она — его собственность.

Но чем ближе она подбирается к правде, тем яснее понимает: враг не тот, кого она ищет. Враг тот, кто всегда был рядом.

В мире, где ложь — валюта, а страсть — оружие, Равенне придётся выбрать: довериться мужчине, который может её уничтожить, или погибнуть в одиночку.

А. Голд

Элизиум

Пролог

Дождь зарядил над Лондоном, когда Гидеон Вэнс вышел из архива «Элизиума» с папкой в руках. Морось висела в воздухе, смешиваясь с туманом от Темзы, и фонари на набережной дрожали жёлтыми размытыми пятнами. Он поднял воротник пальто и быстро пошёл к машине.

В папке было то, что он искал. То, что не должен был видеть. То, ради чего он рискнул всем.

Он сел в машину, но не завёл двигатель. Открыл папку. Пробежал глазами по строчкам. И замер.

Этого не может быть.

Он перечитал ещё раз. И ещё. Руки дрожали.

Все эти годы. Я думал, это просто дружба. Я думал, это просто работа. А это... кровь.

Я должен рассказать ей. Но если я расскажу — это разру-

шит всё.

Он достал телефон. Набрал номер.

Гудки. Голосовая почта.

— Равенна. Слушай внимательно. Я нашёл кое-что в старых архивах. Это касается тебя. Я не могу сказать по телефону. Встретимся завтра. И... не доверяй никому. Особенно тем, кто рядом. Ты понимаешь, о ком я.

Он отключился. Посмотрел на папку. На секунду ему захотелось сжечь её — прямо здесь, в пепельнице. Уничтожить правду, пока она не уничтожила всех, кого он любил.

Но он не успел.

Удар по затылку — резкий, профессиональный. Телефон выпал из рук и покатился по асфальту. Последнее, что он увидел, — жёлтый свет фонаря, дрожащий в луже, и чьи-то ботинки. Дорогие. Итальянские.

Темнота.

Человек, убивший Гидеона, наклонился и подобрал папку. Пролистал страницы. Присвистнул.

— Ничего себе, — пробормотал он.

И набрал номер.

— Готово. Папка у меня. Что с ней делать?

На том конце провода ответили. Шёпот выслушал. Отключился. Сунул папку во внутренний карман пальто и растворился в дожде.

Глава 1. Визит

Равенна Морган просыпалась ровно в пять утра. Она не помнила, когда это началось. Кажется, всегда. Дисциплина — это не выбор. Это единственный способ выжить, когда всё остальное рушится.

Она села на кровати, повела плечами, разгоняя застоявшуюся за ночь кровь. Старая травма напоминала о себе тупой болью под лопаткой – три года прошло, а всё не отпускает. Она подошла к окну. Мейфэр спал. Элитный район, где каждый особняк стоил больше, чем она заработала за всю жизнь в Интерполе. Квартира была частью контракта с «Элизиумом» - одну из немногих привилегий, которые она приняла без возражений.

Когда её вышвырнули из Интерпола — подставили, обви-

нили в том, чего она не совершала, лишили карьеры и репутации, — она думала, что это конец. Она вернулась в Лондон, сняла дешёвую квартиру в Брикстоне и месяц не выходила из неё. Писала апелляции. Перестала, когда поняла, что отвечать никто не собирается. Друзья исчезли впервые же дни. Гидеон был единственным, кто остался рядом, но и он не мог помочь.

А ещё была мама. Елена Морган угасала в старом доме — тихо, без жалоб, пряча счета в кухонный стол и улыбаясь, когда дочь приезжала. Врачи говорили: нужна операция. Операция стоила денег, которых у них не было. Равенна продала всё, что могла. Этого не хватило.

И тогда позвонил Грегори Хейл.

В Лондоне о нём говорили шёпотом. Владелец «Элизиума», самого закрытого клуба страны. Человек, который знал всё про всех. Человек, которому лучше не переходить дорогу. Она слышала эти слухи. Знала, что с ним опасно иметь дело. Но он предложил работу — не подачку, а настоящую должность. И сумму, которая закрывала все счета и давала маме шанс.

Она согласилась. Не потому что доверяла. Потому что он был единственным, кто протянул руку, когда все остальные отвернулись. Потому что она не могла смотреть, как угасает единственный человек, который любил её просто за то, что она есть.

Она ещё не знала, что эта сделка изменит всё.

Теперь она была главой службы безопасности самого закрытого клуба Лондона. Двадцать четыре человека под её командованием. Члены клуба — банкиры, политики, нефтяные магнаты — знали её в лицо. Знали её голос. Знали, что с ней лучше не спорить.

Они не знали, что внутри неё — пустота.

Телефон завибрировал.

— Мисс Морган? Это инспектор Грейвз. Мне очень жаль. Гидеон Вэнс... он мёртв. Убит сегодня ночью.

Она не помнила, как закончился разговор. Просто в какой-то момент в трубке зазвучали короткие гудки, а она всё ещё прижимала телефон к уху. Пальцы онемели. В висках застучало. Гидеон. Её Гидеон. Мёртв. Она смотрела в окно, но не видела, ни серого неба, ни мокрых крыш. Только его лицо — смеющееся, живое.

— Твою мать, — выдохнула она, и голос сорвался. — Грёбанный ублюдок... кто? Кто. Это. Сделал?

Она прижала ладонь ко рту, пытаясь сдержать рвущийся наружу звук — не то всхлип, не то крик. Её передёрнуло.

— Чёрт... чёрт... чёрт! — Она со всей дури швырнула телефон в стену. Тот ударился о кирпичную кладку камина и

разлетелся на куски. — Сука!

Лондон за окном жил своей жизнью. Город не знал. Городу было всё равно. А в её груди что-то оборвалось — глухо, безвозвратно, как лопается струна. Гидеон мёртв. Она ещё не знала, кто это сделал. Но она узнает. И когда узнает — этот ублюдок пожалеет, что вообще появился на свет. *Блядь!*
Гидеон.

Она приехала в морг одна. Села в машину и поехала через просыпающийся Лондон — мимо Сити, мимо Тауэра, мимо набережных, где чайки кричали над серой водой. Она не помнила дороги. Не помнила, как парковалась. Только холодную ручку двери морга и запах антисептика.

Тело лежало на стальном столе, прикрытое белой простыней. Она попросила оставить их вдвоём и стояла над ним — прямая, как клинок, — и не плакала. Но внутри что-то умерло.

Ты называл меня мальшкой Рэй — так, как не называл никто, кроме отца. Ты что-то нашёл. Что-то, из-за чего тебя убили. Ты сказал: «Не доверяй никому».

Я найду. Я узнаю. Я клянусь.

Она положила руку на его холодный лоб. Никаких слов. Никаких слёз. Только тишина. И обещание.

Лифт. Зеркало. Чужое лицо.

Равенна смотрела на своё отражение и не узнавала себя.

Бледная кожа. Серые глаза — такие же, как у отца, — сейчас казались почти чёрными. Длинные русые волосы — тяжёлые, волнистые — падали на плечи. Она редко носила их распущенными, но сегодня не было времени на привычный пучок. Чёрная водолазка плотно облегла шею — строго, закрыто, никаких украшений. Чёрный пиджак поверх — броня. Прямая спина — привычка, которую не выбить ничем.

Железная леди. Снежная королева. Эль Вьенто — Ветер. Они не знают, что внутри ветра — пустота. Они не знают, что я плакала сегодня ночью. Впервые за четыре года.

Гидеон мёртв. И единственный, кто может помочь, — тот, кому он сказал не доверять.

Двери лифта раздвинулись.

Доминик Кейн стоял у окна спиной к ней. Она всегда замечала, как он стоит. Не как бизнесмен, не как аристократ. Как человек, который привык, что мир лежит у его ног. Плечи развёрнуты, но не напряжены. Руки в карманах брюк — расслабленно, почти лениво.

Она пришла. Я знал, что она придёт. За три года я выучил её привычки лучше, чем свои собственные. Она не спит по ночам. Она чистит пистолет по воскресеньям. Она никогда не плачет на людях. А сегодня у неё красные глаза. Значит, плакала. Но не при мне. Никогда при мне.

Кейн не обернулся, но она знала: он чувствует её присутствие. Всегда чувствовал.

Чёрный костюм без галстука. Верхняя пуговица рубашки

расстёгнута, и в вырезе виднелась цепочка — тонкая, белого золота. Она никогда не спрашивала, что на ней висит, но знала: эта цепочка была на нём всегда. Как шрам над бровью. Как холодный, оценивающий взгляд. Часть его брони. Часть его самого.

В камине догорали угли. Пахло горячим деревом, виски и чем-то ещё.

— Вы не проверяли камеры за последнюю неделю.

Она замерла. Откуда он знает? Она действительно не проверяла — слишком была занята текущей работой, а потом... Гидеон, полиция, допросы.

— Я не обязана отчитываться перед вами о своих действиях.

— А перед кем обязаны? — Он, наконец, обернулся. Медленно. Так медленно, что она успела почувствовать каждую долю секунды этого движения — как напрягаются мышцы под тканью пиджака, как свет камина скользит по линии челюсти, по скулам, по тёмным волосам. — Перед Хейлом? Он уже знает, что вы упустили запись?

— Я ничего не упустила. — И я не нуждаюсь в вашей оценке моих действий.

— Нуждаетесь. Он взял бокал с виски, сделал глоток — медленно, не сводя с неё глаз. — Потому что я знаю то, чего

не знаете вы. Имя заказчика. Хотите услышать?

Она сглотнула. Он играл с ней. Он всегда играл.

— Чьё? — Её голос прозвучал ровно, но внутри всё сжалось.

— Грегори Хейла.

Хейл. Её наставник. Человек, который дал ей работу. Который учил её. Который говорил: «Доверяй только себе». Сукин сын. Она не произнесла ни слова. Только пальцы сжались в кулак — один раз, коротко. Кейн заметил. Он всегда всё замечал.

— Вы уверены? — спросила она, и голос не дрогнул.

— Я всегда уверен. — Он смотрел ей в глаза, и в его взгляде было что-то, от чего ей хотелось то ли отступить на шаг, то ли придвинуться ближе. — Иначе не говорил бы.

— И что вы предлагаете?

— То, чего вы хотите. — Он наклонился чуть ближе, и его голос стал ниже. — Только не в одиночку, мисс Морган. В одиночку — это верный способ отправится на тот свет. Вдвоём — это шанс.

— У вас есть опыт?

— Достаточный. — Тень улыбки скользнула по его губам.

— Но вам я готов предложить эксклюзивные условия.

Она выдержала его взгляд. В воздухе между ними что-то дрожало — невысказанное, опасное.

— Почему вы помогаете мне?

— Хейл перешёл черту. Убил человека, которого вы ценили. Угрожает вам. — Пауза. — А я не люблю, когда трогают то, что я намерен изучить.

— Изучить?

— Вас. — Он произнёс это слово так, будто пробовал на вкус. — Вы — самая закрытая дверь в этом клубе. И я хочу знать, что за ней.

— Там ничего нет.

— Лжёте. — Он чуть склонил голову, и свет камина упал на его лицо так, что глаза вспыхнули золотом. — Но я не тороплю. Некоторые двери открываются только тем, кто умеет ждать. А я очень, очень терпелив.

Она сглотнула. Горло пересохло.

— Союз, — сказала она. — Только союз. Ничего больше.

— Как скажете. — Он отступил на шаг, давая ей пространство, но его взгляд остался на ней — тяжёлый, собственный. — Начинаем завтра. А сейчас вам нужно поспать.

— Я сама разберусь со своим сном.

— Не сомневаюсь. — Он чуть усмехнулся. — Вы со всем разбираетесь сами.

— Именно.

Она пошла к лифту. У двери обернулась.

— Почему вы это делаете, господин Кейн?

Он стоял у камина, и тени плясали на его лице.

— Потому что мне это выгодно. Хейл — проблема. Вы — решение. Всё просто.

— И ничего больше?

— А что ещё? — Он чуть склонил голову, и в его глазах мелькнул опасный огонёк. — Вы ждёте другого ответа, мисс Морган?

— Нет.

— Вот и хорошо. — Он взял бокал с виски и сделал глоток, не сводя с неё глаз. — Значит, мы поняли друг друга.

Она вошла в лифт. Двери закрылись.

Я еду вниз и чувствую, как горят щёки. Он сказал: «Вы — решение». «Всё просто». Но его взгляд говорил иначе. Я не знаю, что именно. Но это было опасно. Это плохо. Это очень, очень плохо.

Завтра всё начнётся.

Глава 2. Ист-Энд

Равенна не спала.

Она сидела в своём кабинете без окон, прокручивая в десятый раз голосовое сообщение Гидеона. Его голос — быстрый, встревоженный — заполнял комнату:

«...я нашёл кое-что в старых архивах. Это касается тебя. Это касается всех нас. Я не могу сказать по телефону — слишком опасно. Встретимся завтра. И... не доверяй никому. Особенно тем, кто рядом. Ты понимаешь, о ком я. Если со мной что-то случится — ищи правду там, где клуб хранит свои скелеты».

Она выключила телефон. В кабинете стало тихо.

«Тем, кто рядом». Он имел в виду Кейна. Или Хейла. Или обоих. Гидеон знал что-то, что стоило ему жизни. И теперь это «что-то» — единственное, что имеет значение.

Кейн стоял у двери, прислонившись плечом к косяку. Он появился десять минут назад — без стука, без предупреждения. Она уже привыкла.

— Нужно ехать, — сказал он. — Уолтер Грин ждёт.

— Кто он?

— Бывший инспектор Скотленд-Ярда. Уволен за то, что нашёл то, чего не должен был находить. Теперь торгует информацией. Гидеон работал с ним над одним делом несколько лет назад. Если кто и знает, что Гидеон раскопал, — это он.

— И почему он будет с нами говорить?

— Потому что он должен мне. — Кейн пожал плечами. — И потому что он любил Гидеона. По-своему.

Равенна поднялась. Сунула телефон в карман. Проверила кобуру — привычка. И на секунду замерла, потому что вспомнила: Гидеон всегда говорил ей перед выездом на задание — «Кобуру проверила? Патроны? Жвачку?» Она никогда не брала жвачку, Он всегда брал две. На случай если придется сидеть в засаде.

— Едем.

Лондонское утро началось с тумана.

Он наползал с Темзы — густой, влажный, как дыхание умирающего зверя. Он проглатывал шпили Сити, стирал мосты, превращал фонари в размытые жёлтые пятна. В такое утро хорошо исчезать. В такое утро хорошо прятаться.

Равенна сидела на пассажирском сиденье бентли, прижавшись лбом к холодному стеклу, и смотрела, как город просыпается за окном. Кейн вёл машину молча. Она была благодарна ему за это. За то, что он понимал: есть моменты, ко-

гда слова не нужны.

Гидеон. Ты сказал: «Не доверяй никому». Но я здесь. С ним. С человеком, которого ты, возможно, имел в виду. И я не знаю, правильный ли это выбор или самая большая ошибка в моей жизни.

— Вы как, мисс Морган? — спросил Кейн, не отрывая взгляда от дороги.

— Живая.

— Это уже неплохо.

Она повернулась к нему. Его профиль — резкий, как лезвие ножа. Скулы, которые, казалось, могли резать стекло. Челюсть, сжатая так, что желваки играли под кожей.

— Что ты знаешь об Уолтере Грине? Кроме того, что он бывший инспектор?

— Он честный. По-своему. Когда-то он расследовал дело, связанное с «Элизиумом». Хейл его сломал — уволил, уничтожил репутацию, вышвырнул на улицу. С тех пор Грин торгует информацией. Он знает многое. Но боится ещё больше.

— Чего он боится?

— Того же, чего и все. Хейла. Хейл — тот ещё сукин сын, и старик знает это лучше многих.

Брик-лейн в десять утра была сонной и почти безлюдной.

Улица, которая вечером наполнялась запахами карри и пряностей, сейчас казалась вымершей. Ставни магазинов были опущены, мусорные баки переполнены. Ветер гонял по асфальту обрывки газет.

Антикварная лавка «Грин и сыновья» пряталась между индийским рестораном и винтажным магазином. Вывеска над входом — старая, деревянная, с облупившейся позолотой — раскачивалась на ветру. Витрина была заколочена фанерой, но над дверью горела тусклая лампочка.

Кейн постучал — три коротких удара, пауза, ещё два.

Дверь приоткрылась. В щели показалось лицо — морщинистое, как печёное яблоко, с кустистыми седыми бровями и носом, который ломали как минимум дважды.

— Кейн, — проскрипел старик. — Какого чёрта ты при-

пёрся в такую рань? И кто это с тобой?

— Уолтер. Мы по делу. Впустишь?

Грин перевёл взгляд на Равенну, и в его глазах мелькнуло что-то — узнавание, удивление.

— Морган. Та самая. Гидеон говорил о вас. Много.

Сердце Равенны пропустило удар.

— Вы знали его?

— Знал. — Грин снял цепочку и открыл дверь. — Заходите. Только быстро. У меня чай стынет.

Внутри лавка была забита вещами. Старые часы с маятниками, пыльные люстры, книжные шкафы, уходящие под потолок. Пахло воском, плесенью и временем.

Здесь пахнет временем. Старой бумагой, воском, плесенью. И чем-то ещё — чем-то, что я не могу определить. Тайной. Смертью. Памятью.

Грин провёл их в заднюю комнату и уселся в кресло с высокой спинкой.

— Рассказывайте. Что случилось с Гидеоном?

— Его убили, — сказала Равенна. — Выстрел в затылок. Профессионально. Никаких следов. Никаких свидетелей.

— Знаю. — Грин потёр подбородок. — Я слышал. Новости в этом районе расходятся быстро.

— Вы говорили с ним перед смертью?

— Да. — Старик вздохнул. — За день до того, как его убили. Он позвонил мне и сказал, что нашёл что-то в старых архивах «Элизиума». Что-то настолько серьёзное, что он не мог сказать мне по телефону. Мы договорились встретиться. Он не дошёл.

— Что он нашёл?

— Не знаю. Но за неделю до этого он заезжал ко мне. Сказал, что начал копать под Хейла и что дело опасное. Оставил конверт. «Если со мной что-то случится, отдай это Равенне. Она поймёт. Но только если что-то случится. Не раньше». Я не спрашивал, что внутри. Гидеон был не из тех, кто делится секретами. Но он был напуган. А я никогда не видел его напуганным.

Равенна подалась вперёд.

— Вы знаете, над чем он работал?

— Над старым делом. Очень старым. Он сказал: «Это касается её семьи. Того, о чём она даже не догадывается». — Грин поднял на неё глаза. — Вы знаете, о чём он говорил?

— Нет. — Она покачала головой. — Но я узнаю.

Грин помолчал. Потом полез в ящик стола.

— Вот. Он оставил это для вас.

Он протянул ей конверт.

Равенна взяла его дрожащими пальцами. Разорвала. Внутри лежал лист бумаги. Всего несколько строк, написанных знакомым почерком Гидеона:

«Мальшка Рэй.

Если ты читаешь это, значит, меня нет. Прости, что не сказал раньше. Я думал, что успею. Я ошибался.

Ты должна знать: то, что я нашёл, касается тебя. Твоей семьи. Твоего прошлого. Я не могу написать здесь — слишком опасно. Но ищи в подвале. Там, где старик хранит тайны. Он расскажет тебе то, что я не успел.

Не доверяй Хейлу. Он не тот, кем кажется. И... присмотришь к Кейну. Я не знаю, враг он или союзник. Но он знает больше, чем говорит.

Береги себя. И постарайся не вляпаться в дерьмо. Хотя с твоим характером это вряд ли возможно. Я пытался.

*Твой друг,
Гидеон».*

Равенна сложила письмо и убрала в карман. Руки не дрожали. Она не позволила им.

— Спасибо, — сказала она Грину. — За то, что хранили это.

— Он был хорошим человеком. — Старик шмыгнул носом. — Лучшим из всех, кого я знал. Найдите того, кто его убил. И сделайте так, чтобы он заплатил.

— Сделаю.

В машине, когда они снова выехали на набережную, Равенна развернула письмо и перечитала последние строки.

— «Присмотрись к Кейну. Он знает больше, чем говорит».

Кейн промолчал. Он смотрел на дорогу, но желваки на скулах дрогнули.

— Ты знал Гидеона? — спросила она.

Он не сразу ответил. Она видела, как его пальцы сжали руль — крепче, чем нужно.

— Знал. Мы встречались. Он проверял меня — перед тем, как ты устроилась в «Элизиум». Сказал, что если со мной что-то случится, он будет знать, кого винить.

— И ты согласился?

— Я согласился. Потому что он был прав. — Кейн повернулся к ней. — Я знаю больше, чем говорю. Но я не враг тебе, Равенна. Если бы я был врагом, ты бы уже была мертва.

Она заметила. «Ты». Он сказал «ты». Впервые за три года. Она не знала, было ли это просчётом или сознательным ша-

гом, но что-то в воздухе изменилось. Стало интимнее. Опаснее.

— Это должно меня успокоить? — спросила она, не показывая, что заметила.

— Это должно тебя насторожить. — Он чуть усмехнулся. — Но не настолько, чтобы ты перестала мне доверять.

— Я тебе не доверяю, — отрезала она. — И ты это знаешь.

— Доверяешь. — Он даже не посмотрел на неё. — Иначе бы не села в мою машину. Иначе бы не пришла ко мне вчера. Иначе бы не согласилась на этот грёбаный союз.

— Может, у меня просто не было выбора.

— Выбор есть всегда. — Он наконец повернулся к ней, и в его глазах горел тот самый огонь. — Ты выбрала меня. Вопрос в том, понимаешь ли ты сама, почему.

Она не ответила. Потому что он был прав. И это бесило её больше всего.

Ночь опустилась на Лондон, когда Доминик вышел из пентхауса.

Равенна спала — он знал это, потому что проверил её квартиру через систему безопасности клуба. Впервые за последние дни она спала больше четырёх часов. Он не стал её будить. У него были другие дела.

Он спустился в гараж, неприметную чёрную ауди — без опознавательных знаков, зарегистрированную на подставную фирму. Машину, которую он использовал для встреч, не предназначенных для посторонних глаз.

Она думает, что я просто владелец клуба. Что мой бизнес — это акции, сделки, слияния. Она не знает, что последние пять лет я строил не бизнес. Я строил армию. И сегодня один из моих солдат принёс важную новость. Папка Гидеона всё ещё у Шёпота. Но мы нашли кое-что другое.

Саутуорк встретил его запахом пива и старого кирпича.

Паб «Чёрный лебедь» стоял у самого берега Темзы — заведение, куда не заходили туристы. Здесь собирались люди, которые не любили свет. Бывшие военные. Бывшие полицейские. Бывшие люди, у которых не было будущего, но было прошлое, полное полезных навыков.

Доминик вошёл через заднюю дверь и кивнул бармену —

тот молча указал на отдельный кабинет в глубине зала.

В кабинете его ждал человек. Лет сорока, коротко стриженный, с татуировкой спецназа на предплечье и глазами, которые ничего не выражали.

— Докладывай.

— Папку найти не удалось. Шёпот передала её заказчику. Но мы нашли кое-что другое. — Он положил на стол распечатку. — Банковский перевод. Пять миллионов фунтов. Офшор, Кайманы. Получатель — Шёпот. Отправитель — Грегори Хейл. Дата — за день до убийства Вэнса.

— Доказательство связи.

— Да. Но не только это. — Человек достал ещё один лист. — Мы проверили старые транзакции Хейла. За последние пять лет он перевёл Шёпоту больше тридцати миллионов. Разные суммы, разные даты. И каждый перевод совпадает с чьей-то смертью.

Доминик взял лист. Пробежал глазами по строчкам. Десять имён. Десять смертей. Все — члены «Элизиума» или люди, связанные с клубом. Все — обставлены как несчастные случаи или естественные причины.

— Это список убийств. Хейл убирал всех, кто ему мешал.

— Да. И Вэнс нашёл этот список. Поэтому его убрали тоже.

— Равенна знает?

— Нет.

— И не должна. Пока. — Доминик отложил лист. — Что с папкой? Где она сейчас?

— У Хейла. Мы думаем, он ещё не знает, что там. Шёпот передала её лично, не вскрывая. Но это вопрос времени.

— Сколько у нас?

— День. Может, два. Как только Хейл увидит, что Вэнс раскопал, он поймёт, что Равенна — следующая.

— Тогда работаем. Усиль наблюдение за пентхаусом. И за квартирой Морган. Я хочу знать о каждом, кто приблизится к ней ближе, чем на сотню метров.

— А ты?

— А я пока буду рядом с ней. — Доминик поднялся. — И ещё одно. Найди Шёпота. Я хочу знать, кто она и где живёт. У каждого профессионала есть слабость. Я хочу знать её.

— Будет сделано.

Доминик вышел из паба и сел в машину. Ночь пахла дождём и близкой грозой.

Пять лет. Пять лет я ждал. Пять лет я собирал информацию, строил сеть, внедрял людей. Хейл думает, что он неуязвим. Он ошибается. У меня есть список его жертв. У меня есть доказательства. И у меня есть она. Равенна. Она не знает, что я использовал её. Она не знает, что я с самого начала знал, кто она — дочь Алекса Моргана, наследница архива, ключ ко всему. Она думает, что я помогаю ей из благородства. Пусть думает. Но когда она узнает всё — она возненавидит меня. И я приму это. Потому что её месть и моя — это одна месть. И когда Хейл падёт, мы оба будем свободны.

Глава 3. Прачечная

Дождь вернулся под утро. Мелкий, лондонский — он не лил, а сочился, стекал по карнизу тонкими струйками, размывал очертания Мейфэра за окном в серую акварель. Ра-

венна стояла у стекла, прижав ладонь к холодной поверхности, и смотрела, как город просыпается в дымке — неохотно, медленно, будто тоже не спал эту ночь. Она не спала. Снова. Но сегодня это была другая бессонница — не от горя, а от ожидания. Холодного. Расчётливого. Такого, от которого кровь не кипит, а леденеет.

Она почувствовала его до того, как услышала. Запах просочился в кабинет раньше, чем он переступил порог, — кедр, табак, что-то тёплое, мускусное, от чего внутри всё сжималось в тугий узел. Она не обернулась. За три года привыкла узнавать его спиной.

— Есть контакт.

Голос низкий, с ленивой хрипотцой — он не спрашивал, не предлагал. Констатировал. Как всегда.

— Кто? — Она наконец повернулась.

Он стоял, прислонившись плечом к дверному косяку, — как всегда на границе света и тени, где ему было самое место. Свежая рубашка, гладко выбритое лицо, но под глазами — едва заметные тени, тонкие, как паутина. Тоже не спал. Она не спросила почему. Не хотела знать.

— Миклош Ковач. Венгр. Держит прачечную в Хакни.

Когда-то мыл полы в «Элизиуме» — из тех, кого не замечают, пока не споткнутся. Его вышвырнули, но он запомнил больше, чем ему позволяли.

— И почему он будет с нами говорить?

— Потому что должен мне. — Усмешка тронула его губы — лёгкая, как прикосновение. — И потому что до смерти боится Хейла. А страх развязывает языки лучше любого конверта.

Она взяла пиджак со стула, проверила кобуру — привычка, ввевшаяся в пальцы.

— Едем.

Хакни встретил их тишиной. Не обещанием покоя — угрозой. Так тихо бывает только в местах, которые привыкли к насилию. Где крики не вызывают реакции, где выстрелы принимают за фейерверки, где тело в подворотне — не новость, а вторник. Узкие улочки, стиснутые облупленными фасадами, пахли ржавчиной, мочой и дешёвым табаком. Граффити на стенах — чьи-то имена, чьи-то угрозы, чьи-то признания в любви, написанные баллончиком за пять секунд и забытые через пять минут.

Равенна смотрела в окно бентли и молчала. За окном проплывали облупленные фасады Ист-Энда, и она вдруг вспомнила, как Гидеон однажды сказал: «Знаешь, Рэй, Лондон — это город, который никогда не заканчивается. Можно прожить здесь всю жизнь и не узнать его до конца. Можно умереть здесь — и узнать о нём всё». Тогда она рассмеялась и сказала, что он слишком драматичен. Теперь она думала, что он был прав. Он всегда был прав.

Кейн вёл машину одной рукой. Вторая лежала на подлокотнике — длинные пальцы, широкие костяшки, крошечный шрам на среднем пальце. Она заметила этот шрам ещё три года назад и с тех пор ловила себя на том, что ищет его взглядом каждый раз, когда он оказывается рядом.

— Он знает что-то о Гидеоне? — спросила она.

— Возможно. Но главное — он знает, как попасть в подвал. А подвал — это Архивариус. А Архивариус — это ответы.

— Ты говорил, Хейл сломал Грина. А Миклоша?

— Миклоша он не заметил. — Кейн чуть усмехнулся. — В этом его сила. Он — никто. Нелегал, уборщик, человек без лица. Хейл даже не подозревает, что Миклош знает о нём больше, чем исповедник.

— Ты многим в этом городе «помог»?

— Достаточно многим. — Он покосился на неё, и в его глазах мелькнул опасный огонёк. — Это проблема?

— Это информация.

— Информация — это оружие. Ты сама так говорила.

— Я много чего говорила.

— Много чего. — Уголок его рта дрогнул. — Но делала другое.

Она не ответила. Потому что он был прав. И потому что его голос всё ещё заставлял её сердце биться быстрее, как бы она ни старалась это подавить.

Он говорит со мной так, будто имеет право. Будто мы не просто союзники. Будто он уже знает что-то, чего я ещё не поняла. Это раздражает. Это... притягивает.

Прачечная «White & Clean» выглядела как место, куда приходят замаливать грехи. Или заметать следы.

Облупленная вывеска, железные жалюзи, пятно ржавчины на стене — расползлось, как гнойная рана. И стальная дверь — слишком новая, слишком крепкая для этого района. Равенна сразу отметила: «Аблой», финский замок, петли усиленные. Такую дверь не выбить плечом. Таковую дверь ставят те, кто ждёт гостей с оружием.

Кейн постучал — три коротких, пауза, два длинных. Старый код. Она начинала видеть закономерность в его мире: тайные знаки, пароли, жесты, понятные только своим. Он жил в тени, этот мужчина. И тень ему шла.

Динамик захрипел. Голос — грубый, с восточноевропейским акцентом, резал английские слова, как тупой нож:

— Закрыто. Приходите завтра. Сегодня стирки нет.

— Миклош, это Кейн. Открой.

Пауза. Долгая — такая, что Равенна успела сосчитать до десяти, чувствуя, как холод забирается под воротник. Затем замок щёлкнул — тяжело, с металлическим лязгом, — и дверь приоткрылась ровно на ширину цепочки.

В щели показалось лицо — круглое, морщинистое, с глубокими залысинами и золотым зубом, который блестел в

тусклом свете лампочки над входом. Глаза — маленькие, тёмные, как маслины, — быстро обежали Кейна, потом Ра-венну. И в них мелькнул страх. Самый настоящий. Липкий. Такой, от которого пересыхает во рту и потеют ладони.

— Господин Кейн. С дамой. Очень необычно. Вы же всегда один.

— Дама — со мной, Миклош. Это мисс Морган. Глава безопасности «Элизиума». И она — причина, по которой я здесь.

Венгр побледнел. Кровь отлила от его лица — от лба к подбородку, как будто кто-то выключил свет внутри.

— Морган? Та самая? Из клуба?

— Смотря что вам обо мне рассказывали, — спокойно ответила она. — И смотря кто.

— Мне рассказывали, что вы опасны. Очень опасны.

— Это правда. Но сегодня я опасна не для вас. Сегодня я опасна для того, кто убил моего друга. Впустите нас, господин Ковач. Разговор будет долгим.

Миклош помедлил ровно секунду. Потом снял цепочку и отступил вглубь, пропуская их внутрь.

Внутри прачечная гудела, как улей.

Ряды стиральных машин — старых, промышленных, с круглыми стеклянными иллюминаторами — выстроились вдоль стен. Внутри крутилось бельё: белые простыни, цветные полотенца, чьи-то рубашки с пятнами, происхождение которых никто не хотел объяснять. Машины дрожали, гудели, извергали пар. Воздух был влажным, горячим — он пах стиральным порошком, хлоркой и чем-то затхлым, как будто под полом прятался грибок. Пол был залит тонким слоем воды, и лампы дневного света отражались в ней, как утопленники.

Ни одного работника.

— Где ваши сотрудники? — спросила Равенна, перешагивая через лужу.

— У них выходной. Каждую среду. Удобно для бизнеса — нет лишних ушей.

— Кроме ваших собственных.

— Мои уши — это мой хлеб, мисс Морган. Без них я был

бы никем.

Он провёл их в заднюю комнату — крошечный кабинет, заставленный картонными коробками с надписью «Detergent. Flammable». Равенна была уверена: в коробках лежало что угодно, кроме моющего средства. Деньги. Документы. Оружие. Всего понемногу.

Кабинет был обставлен скудно: стол, три стула, сейф в углу. На стене — дешёвая репродукция иконы в пластиковой рамке. Под потолком гудела лампа дневного света, и её мертвенное сияние делало лицо Миклоша ещё бледнее, вытягивая из него все краски. Пахло луком, потом и старыми деньгами — теми, что уже десять раз прошли через стирку.

— Чай? Кофе? — спросил Миклош, усаживаясь за стол. Движения его были суетливыми, нервными. Он явно хотел чем-то занять руки.

— Информацию, — ответил Кейн, оставаясь стоять. Он оперся плечом о дверной косяк и скрестил руки на груди — поза, в которой он казался ещё выше, ещё шире, ещё опаснее. — Мы ищем вход в подвал «Элизиума». Старое крыло. Архивариус. Ты знаешь, о чём я.

Венгр побледнел ещё сильнее. Теперь его лицо напоминало цветом старую газету.

— Вы с ума сошли, господин Кейн? Если кто-то в клубе узнает, что я...

— Не узнает, — перебила Равенна. Она шагнула к столу, упёрлась ладонями в столешницу и наклонилась к Миклошу так, что их лица оказались на одном уровне. От него пахло страхом и дешёвым одеколоном — резким, спиртовым, как в больнице. — Потому что если узнают — вы будете не единственным, у кого проблемы. Мы все будем мертвы. Вы понимаете?

Миклош сглотнул. Кадык дёрнулся на тощей шее.

— Понимаю. Но вы не понимаете. Вы не знаете, что такое Архивариус. Это не человек. Это... как сказать... должность, которая съедает того, кто её занимает. Тот, кто говорит с Архивариусом, либо умирает, либо становится им. Других вариантов нет.

— Я не боюсь смерти, — сказала Равенна.

— Зря. Смерть — это не самое страшное. Самое страшное — правда. — Миклош перекрестился. — Архивариус знает всё. Про каждого. Про вас, мисс Морган. Про вашего отца. Про вашу мать. Про то, что случилось двадцать лет назад и

что случилось позавчера. Он знает, кто убил вашего друга. И он знает почему.

Равенна замерла.

— Вы говорили с ним?

— Нет. — Миклош покачал головой. — Я никогда не спускался в подвал. Но я слышал... голоса. Иногда, когда мыл полы в старом крыле. Шёпот. Обрывки фраз. Он говорил о вас. О Гидеоне Вэнсе. О том, что «сын заплатит за грехи отца». Я не понимал тогда. Теперь понимаю.

— Что вы понимаете?

— Что Хейл — не просто ваш наставник. Он — ваш враг. И он — часть этой истории, которая началась задолго до вас. — Миклош перекрестился снова. — Но я не скажу больше. Не здесь. Не сейчас. Идите к Архивариусу. Он расскажет вам всё. А я... я слишком стар для таких тайн.

— Как попасть в подвал? — спросила Равенна.

— Через старое крыло. Там есть дверь, которую всегда запирают. Ключ у вашего наставника. У Грегори Хейла.

Равенна выпрямилась. Хейл. Снова он. Каждая нить расследования вела к нему — человеку, который дал ей работу, когда весь мир отвернулся. Человеку, который, возможно, сам этот мир и разрушил.

— Спасибо, — сказала она и положила на стол конверт.
— Вы нам очень помогли.

Венгр схватил конверт дрожащей рукой, спрятал в ящик стола, даже не заглянув внутрь.

— Я ничего не говорил. Я вообще вас не видел.

— Разумеется.

В машине, когда они выехали из Хакни и направились обратно в центр, Равенна откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза. В висках стучало. Перед внутренним взором проносились лица — мёртвый Гидеон, испуганный Миклош, Хейл, который из наставника превратился во врага. И где-то внизу, под всем этим, — Архивариус. Человек, который знал всё.

— «Сын заплатит за грехи отца», — произнесла она. — О ком он говорил? Чей сын?

— Не знаю. — Кейн смотрел на дорогу, но желваки на скулах дрогнули. — Но Миклош прав. Архивариус — единственный, кто знает ответы.

— Ты веришь в проклятия?

— Нет. Я верю в информацию. А информация — это то, что он хранит.

— И что мы будем делать?

— Получим ключ. Спустимся в подвал. И узнаем правду.

— Ключ у Хейла. А Хейл — та ещё сука.

— Значит, мы его заберём. — Он повернулся к ней, и в его глазах горел тот самый опасный огонь, который она так хорошо знала. — Ты и я.

— Ты говоришь так, будто это легко.

— Я говорю так, будто это неизбежно. — Он чуть усмехнулся. — Легко не будет. Но мы справимся.

— Откуда такая уверенность?

— Потому что я знаю тебя. — Он произнёс это тихо, почти интимно. — Ты не сдаёшься. Никогда.

— Ты уже говорил это.

— Потому что это правда.

Она отвернулась к окну. За стеклом проплывал Лондон — серый, мокрый, равнодушный. Но внутри неё что-то изменилось. Что-то, чему она пока не находила названия.

Он сказал: «Я знаю тебя». И это прозвучало не как угроза. Как обещание. Это плохо. Это очень, очень плохо.

Вечером, когда Равенна ушла к себе готовиться к встрече с Хейлом, Доминик снова покинул пентхаус. На этот раз он поехал в Сити — в офисное здание, которое пустовало по ночам. На двенадцатом этаже его ждал человек.

— Докладывай.

— Мы нашли записи. Старые, бумажные. «Элизиум» хранил их в подвале до того, как перешёл на цифру. — Человек положил на стол папку. — Это список всех, кто спускался к Архивариусу за последние тридцать лет.

Доминик открыл папку. Пробежал глазами по именам. Хейл. Чарльз Кейн. Елена Морган. И последняя запись — Гидеон Вэнс. За день до смерти.

— Он был там. Гидеон спускался в подвал. Он говорил с Архивариусом.

— Да. И после этого его убили.

Доминик закрыл папку.

— Мы идём туда завтра. Я и Равенна.

— Это опасно.

— Всё, что я делаю, опасно. — Он поднялся. — Подготовка запасной выход. Если Хейл узнает, что мы спускались в подвал, нам понадобится путь отступления.

— Будет сделано.

Доминик вышел. Ночь встретила его дождём и тишиной.

Завтра. Завтра мы спустимся туда, куда не заходят даже уборщицы. Завтра мы встретим Архивариуса. Завтра Равенна узнает то, что я скрывал. Я не знаю, простит ли

она меня. Но я знаю, что не отступлю. Потому что она — единственное, ради чего я ещё дышу.

Глава 4. Старое крыло

Я стою перед дверью, которую не открывал пять лет. Старое крыло «Элизиума» — место, куда не заходят даже охранники. Говорят, здесь пропадали люди. Говорят, здесь слышали голоса. Я не верю в призраков. Но я верю в то, что некоторые тайны лучше не трогать. А некоторые — необходимо. Она стоит рядом. Прямая, как клинок. Рука на кобуре. Глаза — серые, холодные, — смотрят на дверь так, будто могут прожечь в ней дыру. Она не боится. Или боится, но не показывает. Что, в сущности, одно и то же. Я обещал ей правду. И я дам ей правду. Даже если эта правда разрушит всё, что между нами есть.

Доминик Кейн

Кабинет Грегори Хейла находился на третьем этаже — в той части «Элизиума», куда не пускали даже членов клуба без специального приглашения. Охрана, камеры, электронные замки. Но Доминик Кейн знал код. Он вообще многое знал — из тех вещей, о которых предпочитал не говорить.

Был час ночи. Хейл уехал на встречу в Сити — Кейн про-

верил через своих людей. У них было не больше получаса.

Они шли по пустому коридору, и каждый шаг отдавался от мраморного пола гулким эхом. Равенна чувствовала, как сердце бьётся где-то у горла — не от страха, от предвкушения. Она шла за человеком, которому Гидеон сказал не доверять, в кабинет человека, который, возможно, убил Гидеона. И где-то глубоко внутри, под слоями льда и стали, ей было страшно. Не за себя — за правду, которую они сейчас найдут.

— Если нас поймают, — произнесла она, — нам конец.

— Не поймают. — Кейн набрал код на двери Хейла. Замок пискнул. Зелёный. — Я слишком хорош для этого.

— Ты слишком самоуверен.

— Я слишком опытен. — Он приоткрыл дверь и пропустил её вперёд. — Разница есть. Проходи.

Кабинет Хейла был под стать хозяину: холодный, безупречный, без единой лишней детали. Дубовый стол, кожаное кресло, книжный шкаф с редкими изданиями. Никаких личных вещей, кроме одной — старой фотографии в серебряной рамке. Женщина с длинными русыми волосами и се-

рыми глазами.

Равенна замерла. Воздух в лёгких сжался до острой точки.

— Это моя мать, — прошептала она. Слова царапали горло. — Он хранит её фото. В своём кабинете. Двадцать лет спустя. Сукин сын.

Кейн взял рамку, перевернул. На обороте — надпись выцветшими чернилами: «Елена. Июнь 1985».

Равенна вырвала рамку из его рук. Пальцы дрожали. Она смотрела на лицо матери — молодое, улыбающееся, — и чувствовала, как внутри поднимается волна. Ярость. Боль. Отвращение. Всё сразу, горячее, неконтролируемое.

— Он любил её, — тихо сказал Кейн. — Или думал, что любил.

— Это не любовь. — Её голос сорвался. — Это одержимость. Он разрушил нашу семью. Он убил Гидеона. И всё это время он смотрел на её фото? Как на трофей? Как на вещь, которую у него отняли?

Она швырнула рамку на стол. Стекло треснуло, разбежалось трещинами по лицу Елены.

— Уничтожь его, — сказала она глухо. — Я хочу, чтобы ты уничтожил его. Не просто посадил. Не просто разорил. Я хочу, чтобы он страдал. Так же, как страдала она. Так же, как страдал Гидеон. Так же, как страдала я.

Кейн не ответил. Просто взял её за руку — крепко, без нежности. И она не отдернула. Потому что сейчас ей нужна была не нежность. Ей нужна была сталь.

— Я обещаю, — сказал он. — Мы сделаем это вместе.

Она высвободила руку — мягко, но решительно. Отошла к окну. За стеклом спал Лондон — равнодушный, далёкий.

— Ищи ключ. У нас мало времени.

Кейн открыл ящики стола — один за другим. Папки, документы, печати. В третьем ящике, под стопкой старых отчётов, он нашёл то, что искал.

Бронзовый ключ. Тяжёлый, старинный, с головкой змеи, кусающей свой хвост. Уроборос. Символ вечности. Или проклятия — с какой стороны посмотреть.

— Вот он. — Кейн поднял ключ, и в свете настольной лам-

пы змея блеснула, как живая. — Старое крыло. Подвал. Архивариус.

— Уходим.

— Подожди. — Он достал телефон и сделал снимок ключа. Потом положил его обратно в ящик, но не в тот, где нашёл, — в соседний, под другие бумаги. — Если Хейл хватится, он решит, что переложил сам. Или что ключ украли. Но не сразу поймёт, какой именно.

— Ты всегда так делаешь?

— Я всегда заметаю следы. — Он выпрямился. — Это помогает жить дольше.

Она не ответила. Просто пошла к двери, чувствуя, как холодный пот стекает по спине. Дело было не в страхе перед Хейлом. Дело было в ключе. В том, что он лежал в кармане Кейна — тяжёлый, бронзовый, как приговор. И в том, что обратной дороги уже не было.

Кейн пришёл к ней через час. Возник на пороге её квартиры — как всегда, без стука, без предупреждения. Она уже не ждала стука.

— Пора.

Она затянула ремешок кобуры. Проверила нож. И на секунду замерла, увидев своё отражение в зеркале — чёрный жилет, собранные волосы, холодные глаза. Гидеон однажды сказал ей: «Ты похожа на амазонку, Рэй. Только лука не хватает». Она тогда фыркнула и ответила, что лук — это непрактично. А он сказал: «Зато красиво». Она так и не узнала, шутил он или нет. Теперь уже не узнает.

— Ты готова? — спросил он.

— Готова.

— Тогда идём. — Он помолчал. — И знаешь... если там, внизу, что-то пойдёт не так...

— Не пойдёт.

— Я серьёзно. Если что-то пойдёт не так — уходи. Не жди меня. Просто беги.

Она посмотрела на него. Шрам над бровью. Упрямая челюсть. Янтарные глаза, в которых сейчас не было ни игры, ни масок.

— Я не бегу, — сказала она. — Никогда.

— Знаю. — Он чуть усмехнулся. — Поэтому я и здесь.

Они пошли через пустые коридоры спящего «Элизиума». Свет был погашен, только тусклые лампы дежурного освещения горели вдоль стен. Их шаги отдавались от мрамора глухим эхом — двое людей, идущих туда, куда не заходили даже уборщики. Двое людей, которые ещё не знали, что правда, которую они ищут, изменит всё.

Старое крыло встретило их запахом сырости и тлена. Коридоры здесь были уже, воздух — тяжелее. Пахло старой штукатуркой и чем-то сладковатым, тошнотворным, как будто где-то за стенами гнило что-то живое. Света не было — только лучи их фонарей, выхватывающие из темноты облупившиеся стены, затянутые паутиной углы, двери, заколоченные досками.

— Здесь всегда так? — спросила Равенна.

— Нет. Раньше было хуже. — Кейн осветил фонарём тёмное пятно на полу. — Кровь. Старая. Кто-то пытался отмыть, но не до конца.

— Чья?

— Лучше не знать. Поверь.

Сколько людей умерло в этом клубе за сто лет? Сколько убили, закопали, забыли? И сколько из них знали то, что знаю я? То, что знает Архивариус? Может, знание — это и есть проклятие. Может, Миклош был прав.

Они дошли до конца коридора. Здесь была дверь — низкая, железная, с массивными петлями, которые, казалось, не открывались столетиями. Замок был старинным, но крепким — бронза, патина, змея на личинке. Такая же, как на ключе. Уроборос.

— Готова? — спросил Кейн.

— Открывай.

Ключ повернулся в замке с тяжёлым, скрежещущим звуком — как будто металл стонал, просыпаясь после долгого сна. Дверь отворилась, и из проёма пахнуло холодом — не тем, что с улицы, а другим. Подземным. Могильным. Так пахнет в склепах и катакомбах, в местах, куда никогда не проникает солнце.

Лестница уходила вниз — крутая, винтовая, вырубленная

прямо в камне. Ступени были стёрты тысячами шагов. На стенах — следы копоти от факелов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.